

**А.А. Аузан,
д.э.н., профессор**

Перестройка: домашний анализ отложенной партии

Понять Перестройку, к чему призывает Михаил Сергеевич Горбачёв в своей статье, это, с моей точки зрения, означает определить суть той трансформации, которая происходила в Советском Союзе с 1985 по 1991 годы. Распространённая версия состоит в том, что это была попытка либерализации советского политического режима, которая привела к ухудшению в экономике и распаду государства. Такой трактовке противоречит факт долгосрочных, причём положительных, последствий Перестройки. Развитие России в условиях свободы сохранялось ещё как минимум десятилетие после Перестройки, а угроза мировой войны отступила, по крайней мере, со времён Горбачёва и до 2010-х годов XXI века. Вряд ли можно считать, что подобного рода политическое преобразование, к тому же не успешное, могло породить такие важные плоды, причём не только для страны, но и для мира.

С моей точки зрения, суть Перестройки в том, что это была попытка перемены траектории в развитии страны. По меньшей мере, третья попытка после великих реформ Александра II в XIX веке и Хрущёвской оттепели в XX. С точки зрения современной новой институциональной экономической теории, переход с одной траектории на другую — это одна из сложнейших трансформаций, которая может существовать в институциональном развитии, потому что она связана с преодолением действия того закона, который по-английски именуется *path-dependence problem*, а по-русски эффектом колеи. Две траектории, образовавшиеся в развитии стран несколько веков тому назад и статистически зафиксированные Ангусом Мэддисоном, представляют собой линии разной успешности экономического развития стран, при этом, для того, чтобы преодолеть разрыв между низкой и высокой траекторией, требуются длительные преобразования экономики, политики и культуры.

Дело в том, что сам эффект колеи заключается в резонансе неудачных формальных институтов, то есть законов политического и экономического устройства, и неформальных институтов, культуры, когда одно не позволяет развиваться другому. Попытка изменить законы вызывает культурную реакцию, нередко возвращающую образы прошлого, а попытки менять культуру вызывают требование властей не заниматься этим вредным делом.

Решение проблемы с точки зрения нынешнего уровня развития методологии и теории связано с достижением трёх граничных условий. Во-первых, деперсонализации организаций: экономических, политических, некоммерческих. Надо сказать, что это условие было достигнуто в ходе развития СССР, скорее всего, в результате репрессий 1930-х годов, когда из-за рисков ареста организации перестали отождествлять себя с персонами. Второе условие — коллегиальный контроль над силовыми структурами вместо раздела их в качестве дубинок во взаимной политической и экономической конкуренции — было достигнуто позже, в послесталинское время, когда Политбюро установило жёсткий контроль над силовыми органами и соблюдало его вплоть до 1991 года. Не было достигнуто третье условие: создание законов для себя с распространением на других вместо создания законов для других с написанием для себя исключений. Ровно эту задачу очевидным образом осознанно решал Съезд народных депутатов СССР публично, на глазах у всех, и я бы сказал с общим участием, создавая новое законодательство страны. С этой точки зрения Перестройка была правильно задуманным проектом и должна была иметь шанс на успех. Тем не менее, этого не произошло, и причинами неуспеха М.С. Горбачев полагает неудачу в экономических преобразованиях и в решении национального вопроса. Попробуем разобраться с этим подробнее.

Начнём с экономики. Формально нельзя сказать, что в экономике в Перестройку не осуществлялись преобразования. Была создана новая форма кооперативов, на которую возлагали большие надежды, а с другой стороны шли активные процессы демократизации управления производством.

Отчасти это напоминает то, что делали страны, которые добились успеха. Например, Китайская Народная Республика успешно создавала так называемые промежуточные институты, вроде поселкового предприятия, а маленькая Словения использовала схему народной приватизации, при которой две трети предприятия оказались в собственности трудовых коллективов, — и при этом добилась лучших экономических результатов из всех постсоциалистических стран. Тем не менее, в нашей стране ни того, ни другого не произошло. Почему? Думаю, что кооперативы оказались чрезвычайно неудачным по своему замыслу экономическим институтом, потому что фактически они исполнили не ту роль, на которую рассчитывали создатели. Они оказались порталом, через который шло превращение безналичных государственных денег в наличные, и кооперативы фактически были не институтом, развивающим экономику, а источником спекулятивной ренты и быстрого роста полулегальных частных капиталов. Демократизация производства, в принципе, могла перерасти в народные схемы приватизации. Тем более что культурное состояние населения СССР в известном смысле этому способствовало: конец 1980-х годов был отмечен очень высоким уровнем социального капитала, то есть развитием взаимного доверия людей, проявляющегося, в частности, на политической арене, когда миллионы людей собирались на огромные митинги, не опасаясь незнакомых, и не опасаясь ограничения со стороны власти. Тем не менее, возобладали другие идеи преобразования, и, думаю, это связано с тем, о чём неоднократно говорит М.С. Горбачёв в статье — состоянием элит и контрэлит.

Фактически картина, которую описывает М.С. Горбачёв на протяжении всей статьи, создаёт впечатление всё более сложного маневрирования между различными группами, которые занимали всё более радикальные позиции, при этом радикализм консерваторов начал стыковаться с радикализмом реформаторов. Попытка опираться на партийную номенклатуру, по мнению самого автора, не удалась, но не удалась и попытка опереться на контрэлиту, на интеллигенцию, поскольку интеллигенция стала очень быстро

высказывать требования немедленных, радикальных преобразований, и в этой же среде стали рождаться националистические идеи, особенно опасные для союзного государства. Почему ни элиты, ни контрэлиты оказались не в состоянии поддержать процесс трансформации? Я думаю, что партийная номенклатура СССР находилась к моменту преобразований в гораздо худшем состоянии, чем китайская партийная номенклатура, которая во главе с Дэн Сяопином сумела-таки преобразования осуществить. К тому времени уже минимум десятилетие, если не больше, существовал режим так называемого административного рынка, где статусы и ресурсы обменивались друг на друга, и был установлен фактический контроль персон над значительными активами. Эти элиты хотели не длительного и сложного преобразования в стране, а легализации своего положения, которое, надо заметить, они и получили в ходе шоковых реформ начала 90-х годов и в значительной степени вошли в состав новых элит.

Драматичней сложилась роль и будущее контрэлиты — интеллигенции. Притом, что у интеллигенции на протяжении полутора десятилетий перед преобразованием уже возобладала идея, что «всё это должно окончиться», что этот строй должен рухнуть, но такие мысли сопровождалось весьма наивным представлением, что когда это всё рухнет, мы начнём жить, как другие развитые страны. То есть, говоря более точным языком, мы импортируем институты развитых стран и заживём как они. При этом почему-то ни в дискуссиях, ни даже в индивидуальных размышлениях, видимо, не возникал вопрос: а как импортировать институты? А приживутся ли законы на этой исторической и культурной почве? А какими промежуточными этапами нужно пройти для того, чтобы получить успех такого преобразования? В итоге, к сожалению, интеллигенция оказалась наказана историей последующего развития России гораздо более жестоко, чем партийная номенклатура. Она просто выпала из социальной и хозяйственной жизни последующего десятилетия.

Думаю, что мнение Михаила Сергеевича Горбачёва о том, что плана преобразования не могло быть, является всё же спорным. Если сравнивать эту попытку перемены траектории с тем, что делалось при подготовке Великих реформ Александра II, надо напомнить, что в течение длительного застойного и реакционного времени (я имею в виду правление Николая I) многие члены элит готовились к преобразованию, готовили шаги по хозяйственному, политическому и духовному переустройению страны, чего в Советском Союзе не делали.

Даже понимание того, что экономические, политические и культурные преобразования должны сопровождать друг друга, не помогло. Именно при Перестройке был осуществлён удивительный шаг культурной трансформации, когда в течение нескольких лет народу открылось огромное количество прекрасных книг, исследований, взглядов, и страна не просто прочла, а с горячностью обсудила то, что было написано в этих книгах. Но следов такого преобразования в последующих десятилетиях мы не можем обнаружить. Мирный плюрализм, к которому призывал Горбачёв, никак не проявился ни в 1990-е, ни в последующие годы, когда каждый раз нам предлагали выбрать между двумя взаимоисключающими точками зрения.

Теперь о самом печальном результате Перестройки — о распаде государства. Если говорить о процессе взаимодействия наций внутри большого государства с точки зрения институциональной экономики, то тут действуют две силы, уравнивающие друг друга, но иногда действующие одна против другой. С одной стороны, это экономическая гравитация. И экономическая гравитация была весьма серьёзной. Напомню о замечании М.С. Горбачёва, что выходящие уже де факто из состава Советского Союза прибалтийские республики были готовы согласовывать свои действия в области экономики с центральным правительством. Но была, конечно, и другая сила. Представление советского интернационализма о том, что все народы, в общем-то одинаковые, они только поют и танцуют по-разному, разумеется, весьма поверхностное. Современные методы позволяют говорить

о культурных дистанциях: о различиях в ценностях и поведенческих установках разных народов. Мы понимаем, что часть народов, образовывавших СССР имели небольшую культурную дистанцию, а некоторые были весьма удалены от основного ядра государства. В принципе, Новоогарёвский план конфедерации в Союзном договоре, на мой взгляд, отвечал и тому, и другому требованию: учёту культурной дистанции при наличии экономической гравитации. Но здесь снова приходится вернуться к факторам политическим, то есть поведению элит. Представляется, что короткие политические интересы республиканских элит состояли совсем не в том, чтобы наладить новый механизм взаимодействия, который позволил бы превратиться Советскому Союзу в нечто вроде Европейского экономического союза. Они стремились как можно скорее обрести контроль над своими территориями и ресурсами, что, собственно, им и удалось сделать после Беловежского соглашения.

Теперь к урокам. Проблема перехода на другую траекторию развития остаётся реальной и труднорешаемой задачей будущего страны. Пока это не сделано, горькая парочка — самодержавие и крепостничество, возникновение которой обозначило в далёких XIV-XV веках вступление на низкую траекторию развития, будет появляться многократно и в разнообразных формах: в виде хозяйственного использования призывников; беспаспортных гастарбайтеров, я уже не говорю о самодержавии. Приходится признать, что нужен не только план долголетнего многоэтапного преобразования, нужно, чтобы этот план соответствовал долгосрочным интересам и представлениям элит. Успешная модернизация в Восточной Азии состоялись благодаря тому, что элиты исходили из двадцатилетних горизонтов мышления и действий. При этом, надо сказать, действовали патриотически, то есть не создавали «аэродромы» для себя за пределами страны. Возникновение или поиск таких субъектов в элитах и контрэлитах, которые способны на долгий взгляд, на создание планов, которые только и могут сочетать культурные преобразования с экономическими и

политическими (поскольку культура меняется медленно — по нынешним исследованиям этот процесс занимает не менее 25 лет) и является, скорее всего, насущным вопросом нашего ближайшего, а может быть, не очень ближайшего, будущего.